

Джордж Райт

Я все исправлю

(Идея этого рассказа заимствована из собственного сна)

В дверь Джеки постучали.

Джеки вздрогнул, и сердце его забилось быстрее. Он не любил этот звук и боялся его - как, впрочем, и любых неожиданных и резких звуков. Но стук в дверь был хуже. О нем нельзя было просто тут же забыть, как о прочих случайных шумах из внешнего мира. Он предполагал продолжение и требовал реакции. Он был *инвазивным*. Обычно под этим термином понимают медицинскую процедуру, когда некий острый инструмент - шприц или скальпель - вторгается в организм, рассекая плоть. Но для Джеки вторжение посторонних звуков - и, главное, людей, стоявших за этими звуками - в его личное пространство было столь же мучительно, как для других - вонзающийся в их тело металл. Джеки мог спокойно общаться с людьми на улице или в магазине - может быть, потому, что там он видел их и заранее знал, когда они заговорят (а то и сам заговаривал с ними первым), или же потому, что все это происходило во *внешнем* мире. Но стук в *его* дверь - это было совсем другое дело. Даже не поверхностный укол, а попытка острого жала проткнуть в самую глубину. Хуже этого было только, когда на него принимались *кричать*. Нет, он не ассоциировал одно с другим. Чаще всего на него кричала его мать, а она всегда входила в его комнату без стука (даже когда ему уже исполнилось восемнадцать). А с тех пор, как он стал снимать жилье у миссис Бальямос, на него вообще никто не кричал. Но это не очень успокаивало Джеки. Он помнил, что люди - непредсказуемые существа, которые могут начать кричать в любой момент.

Мать называла его "мое наказание". Отца у него никогда не было - и, кажется, одно было как-то связано с другим. То есть она считала, что некто по имени "Бог" наказал ее за то, что она родила Джеки без отца. Но кричала при этом почему-то не на себя и не на Бога, а на Джеки.

Он был, как принято говорить сейчас, ребенком с особыми потребностями. Но во времена его детства этот оборот еще не был в ходу, да и никаких особых потребностей у него, на самом деле, не было. Скорее наоборот - у него отсутствовали обычные потребности, свойственные детям (а впоследствии и взрослым) его возраста. Все свое детство он почти не выходил на улицу, проводя время в своей комнате, и его это полностью устраивало. Ему совершенно не хотелось общаться со сверстниками (или с кем-либо еще). Он даже не смотрел телевизор - мультики были для него лишь бессмысленным мельтешением цветных пятен, и даже фильмы с живыми актерами не способны были привлечь и удержать его внимание - он же видел, что это просто-напросто движущиеся картинки, наборы зернистых точек на экране, и в принципе не понимал, как им можно сопереживать и сочувствовать. Он вообще плохо понимал людей, начиная с собственной матери, и давно оставил попытки их понять. Все, что ему было от них нужно - это чтобы они оставили его в покое. Доктора говорили, что у него аутизм, неизменно, впрочем, добавляя - "в легкой форме, не исключающей социализации".

Зато он очень хорошо понимал вещи.

Ему достаточно было взглянуть на них изнутри один раз, чтобы понять, как они устроены - и что с ними не так (если и в самом деле что-то было не так). Когда ему было девять лет, он разобрал золотые часы своей матери - доставшийся ей от деда антикварный хронометр, которым она очень дорожила как чуть ли не единственной по-настоящему ценной вещью в доме, хотя никогда не использовала по назначению - даже не заводила. Это и не имело смысла, поскольку хронометр давно утратил право на свое гордое наименование, отставая на три минуты в час. Джеки разобрал его до последней мельчайшей шестеренки, и тщательно прочистил все детали от скопившейся за целое столетие грязи, а потом собрал обратно. Мать застала его уже в самом

конце этого процесса и принялась кричать, хотя он совершенно не мог понять, почему. Ведь он же починил хронометр, который с тех пор стал ходить секунда в секунду! Правда, ему пришлось прятаться от нее под кроватью, пока она стояла и кричала - но иначе она бы просто не дала ему закончить работу (что, конечно же, тоже было совершенно непонятно и нелогично с ее стороны). Как только он закрыл корпус и завинтил последний винтик, он сразу же вылез, но ее это не успокоило. По ее словам выходило, что он вообще не должен был - и не должен впредь! - прикасаться к этим часам! Но почему, если он исправил их? Несколько дней спустя, желая сделать так, чтобы она больше не сердилась, он, пока она спала, разобрал все остальные часы в доме. Мать вечно жаловалась, что ей ни на что не хватает времени, хотя Джеки, опять-таки, не понимал, чем таким особенным она занята. Она проводила почти все время дома (на работу она не ходила, получая чеки от социальной службы) и подолгу спала, нередко и днем, если перед этим пила вонючую жидкость из бутылки. Но, так или иначе, она говорила, что ей не хватает времени, и Джеки решил сделать ей подарок. Он перенастроил все часы так, чтобы они шли в полтора раза медленнее, так что времени у его матери теперь должно было быть хоть отбавляй. Но она снова принялась на него кричать! Возможно, потому, что он перенастроил все-таки не *все* часы, не тронув тот самый хронометр, а оттого из попытки замедлить время ничего не вышло - но ведь она сама запретила ему впредь прикасаться к хронометру! Кажется, это была его последняя попытка сознательно сделать для матери что-то приятное. С тех пор он лишь старался не проявлять никакой инициативы (довольствуясь разборкой и сборкой лишь имевшихся у него игрушек - тем паче что они со временем тоже нуждались в починке, а новые у матери лучше было не просить) и вообще пореже выходить из своей комнаты. С годами мать пила все больше, и его это радовало. Когда она спала, она уж точно не кричала.

Когда ему исполнилось восемнадцать, мать заявила, что больше не получает пособие на него, и он должен жить самостоятельно. Сперва это испугало его, но когда он понял, что на новом месте у него будет такая комната, куда уже никто не сможет войти без его разрешения, он сразу успокоился. Мать, впрочем, помогла ему снять его первое самостоятельное жилье через агентство недвижимости. Джеки там не очень понравилось. Это был длинный двухэтажный дом, где было много других квартир, и их жители время от времени кричали. Среди них тоже были любители вонючей жидкости, но на них она почему-то действовала по-другому - вместо того, чтобы спать, они становились еще более шумными и непредсказуемыми, чем обычно. Обыкновенно они кричали не на Джеки, а друг на друга, но все равно, эти звуки, доносившиеся сквозь тонкие стены, а то и прямо со двора, заставляли его сжиматься и цепенеть, как когда кричали на него самого. Но это жилье было очень дешевым - всего \$400 в месяц - а Джеки не мог позволить себе большие траты. Никаких пособий он не получал, ибо считался трудоспособным, да и был таковым. Поначалу основным его заработком был ремонт часов - что могло бы приносить неплохие деньги, если бы Джеки открыл собственную мастерскую с витриной и вывеской, зарегистрировал ее в "Желтых страницах" и сидел там каждый день в указанные часы работы, принимая клиентов. Но это требовало слишком много действий во *внешнем мире*. Поэтому Джеки довольствовался теми, кто приносил часы ему на дом (в угловую каморку на втором этаже не самого респектабельного многоквартирного дома), узнав о странном, нелюдимом, но очень искусном часовщике от знакомых знакомых. Но с годами люди все меньше пользовались механическими часами, переходя на смартфоны и прочие электронные устройства. Чинить смартфоны Джеки не умел. Там были микросхемы, а с ними он ничего не мог поделывать. Однако более простые электроприборы поддавались ему не хуже, чем механические устройства. В свое время он даже отходил месяц на курсы по трудоустройству, где его научили паять. Там же объясняли и основы электротехники, но эти объяснения остались для Джеки пустой абстракцией. Он так и не усвоил, что такое закон Ома, правила Кирхгофа и принцип работы катушки индуктивности. Но ему это и не требовалось - как птице не требуется знание аэродинамических формул. Ему достаточно было вскрыть устройство - хоть

механическое, хоть электрическое - и посмотреть на него изнутри, чтобы понять, как именно оно должно работать. Иногда дефектный элемент - такой, как лопнувшая пружина или обуглившийся резистор - бросался в глаза сразу и был бы очевиден любому. Иногда внешние признаки были столь незначительными, что их замечал только наметанный глаз или чувствительный палец Джеки, подкрепленный его же удивительной интуицией (основанной на практическом опыте, а не на логике физических законов). Бывало и так - особенно, конечно, с электрическими, а не механическими дефектами - что обнаружить поломку на глаз и на ощупь не удавалось даже ему, и тогда приходилось перебирать и заменять один элемент за другим, проверяя результат - работа, способная утомить своей нудностью любого, только не Джеки. Он способен был заниматься этим часами, не чувствуя ни скуки, ни раздражения - и пополняя багаж своей интуиции, так что, столкнувшись с аналогичной проблемой в следующий раз, уже мог определить ее без всяких внешних признаков.

Не всегда, кстати, он восстанавливал устройство в первоначальном виде. Иногда это просто не получалось (в том числе и из-за нехватки у него запчастей), а иногда он сам видел, что конструкцию можно улучшить, заменив какую-то ее часть более простой и надежной (скажем, электрический элемент на механический, или хрупкий пластик - на прочный металл). Главное было выделить основную функцию и заставить работать именно ее, хотя бы даже и не тем способом и не с теми деталями, что предусматривались изначально - а всем второстепенным можно было и пренебречь.

И все же ремонт тостеров, пылесосов и кофемолок приносил меньший доход, чем ремонт часов - все эти устройства стоили недорого и уж точно не могли иметь никакой сентиментальной или антикварной ценности, так что большинство людей предпочитало просто покупать новые, а не ремонтировать вышедшие из строя. В сокращении числа клиентов был свой безусловный плюс - Джеки реже приходилось терпеть их стук в дверь - но на его финансах это сказывалось самым скверным образом. А перспектива устроиться в фирму, занимающуюся ремонтом более крупной и дорогой техники - такой, как холодильники и стиральные машины - Джеки совершенно не прельщала. Проводить столько времени во *внешнем мире*, ежедневно посещая клиентов у них дома, да еще и иметь над собой начальство, способное *кричать* - нет, нет, плохая, плохая идея. Так что его финансовые дела шли все хуже, а тут еще агентство по недвижимости продало дом другой компании, и новые владельцы подняли арендную плату.

Так что Джеки оказался перед необходимостью срочно подыскивать новое жилье, повергшей его в полную растерянность. Он не знал, как это делается. Мать уже не могла ему помочь, ибо умерла в больнице несколько лет назад, не оставив ему никакого наследства - все, что у нее еще было, сожрали ее собственные медицинские счета. (Когда Джеки сообщили о ее смерти, он не испытал по этому поводу совершенно никаких эмоций - разве что легкое удовлетворение, что она уже точно никогда не будет на него кричать; впрочем, он не виделся с ней уже много лет, и даже это чувство было скорее шевельнувшимся в душе атавизмом, нежели чем-то актуальным.) Никаких других родственников у него не было, как не было и компьютера, и искать информацию в интернете он тоже не умел. К счастью, его выручила соседка из дома напротив, периодически приносившая ему в починку игрушки, которые регулярно ломал ее ребенок. Не то чтобы Джеки сознательно попросил у нее помощи - просто на традиционное приветствие "Как вы?" он всегда отвечал честно, а женщина не пропустила его "плохо" мимо ушей, а заинтересовалась, что случилось. Услышав о его проблеме, она сказала, что ее отец много лет снимал студию¹ во флигеле у одной милой старушенции, но сейчас он как раз съезжает, и миссис Бальямос наверняка будет рада сдать то же помещение новому тихому и спокойному жильцу. (Отчего ее отец на старости лет ютился в съемной комнате и куда и почему он съезжает теперь, она не уточнила, но и Джеки это, разумеется, совершенно не интересовало.)

¹ Квартира, состоящая из одной комнаты (как правило, совмещенной с кухней)

Так Джеки познакомился с миссис Бальямос - добродушной толстухой, носившей безразмерные цветастые платья и ходившей переваливающейся утиной походкой. Ее муж умер давно, детей у нее никогда не было, и она жила в полном одиночестве в уединенном домике на Олд Дикси Хайвэй, густыми зарослями отделенном от соседей. Сама улица только носила громкое имя шоссе, но на самом деле была пустынной почти во всякое время - весь трафик шел по куда более широкому шоссе ЮС1, шедшему параллельно восточнее (то есть позади дома, но намного дальше от него и к тому же за деревьями, так что шум оттуда не беспокоил жильцов). На противоположной стороне улицы вовсе не было никакого жилья, там была заросшая бурьяном широкая железнодорожная насыпь и рельсы, по которым - тоже очень нечасто - ходили товарные поезда. С точки зрения Джеки, место было почти идеальным (почти - потому что шум поездов все же достигал домика, но он воспринимался скорее как явление природы, чем как звук, порождаемый людьми). Миссис Бальямос сдала ему однокомнатный флигелек за \$350 (коммунальные услуги включены) и согласилась скинуть еще двадцатку, если Джеки будет регулярно стричь газон и вытаскивать мусорные баки на обочину, что ему было совсем не сложно. Время от времени она еще и делилась с ним едой, которой накупала больше, чем могла съесть. А может быть, ей - пусть и не тяготившейся одиночеством и не пытавшей навязывать Джеки свое общество - все же было приятно периодически проявить некое подобие материнской заботы о своем квартиранте.

Так что, если стучала и впрямь миссис Бальямос, то - поскольку была середина месяца, а не его конец, когда она приходила за арендной платой - можно было ожидать, что она принесла очередной гостинец. А кроме нее, стучать было в общем-то и некому. Проблему с клиентами на новом месте Джеки решил лучше, чем на предыдущем - для них на двери была прикреплена записка: "Если вы принесли вещь в ремонт, пожалуйста, оставьте ее в коробке за сетчатой дверью². Через два дня вы сможете забрать ее оттуда." Закончив работу, Джеки клал вещь обратно в коробку, приклеив к ней стикер с одним из двух никогда не менявшихся вариантов текста. Чаще всего текст гласил: "Ваша вещь исправлена. Пожалуйста, положите в коробку \$..." (сумма была единственной переменной величиной, но обычно он брал \$20 - больше просто не имело смысла). Но иногда надпись гласила: "Ваша вещь не исправлена. Вам лучше купить новую. Если эта вам больше не нужна, пожалуйста, оставьте ее мне на запчасти." Таким образом, теперь он почти никогда не видел и не слышал своих клиентов (разве что иногда слышал шорох за дверью, когда они рылись в коробке, но это было далеко не так неприятно, как стук в дверь). Что касается прочих посетителей дома - чаще всего это были курьеры, доставлявшие очередную посылку миссис Бальямос, ибо она была любительницей заказывать предметы по каталогам, постепенно превращавшие ее квартиру в подобие затоваренного склада сувенирного магазина - то эти люди всегда безошибочно стучались в главную дверь дома, а не в находившийся справа флигелек Джеки.

И все же, даже если это миссис Бальямос принесла ему очередную пару упаковок крекеров или банок арахисового масла, стук в дверь - это было очень неприятно. Особенно теперь, когда он успел уже почти отвыкнуть от этого звука. Так что Джеки рефлекторно замер и минуту просидел неподвижно, словно надеясь, что, если он не выдаст себя, стук больше не повторится. Но он, как всегда, повторился, и Джеки пошел открывать.

Это действительно оказалась миссис Бальямос. Но в руках у нее не было пакета, и ее широкое лицо не расплылось в обычной улыбке, а хранило озабоченное выражение.

- Джеки, - сказала она, - мне нужно уехать на несколько дней. Наверное, на неделю или чуть больше. Видишь ли, умер мой брат в Тэксасе. Последний мой близкий родственник.

² Screen door - внешняя дверь из проволочной сетки в некоторых американских домах, за которой находится небольшой тамбур и собственно основная дверь. Часто не запирается. Курьеры нередко получают указание оставлять доставленные ими предметы за этой дверью (т.е. не на крыльце, а внутри помещения, и в то же время не тревожа жильцов)

Это не было адресованным ему вопросом, поэтому Джеки ничего не сказал.

- Так что мне нужен кто-то, чтобы присмотреть за Свити, - продолжала она. - Ты не мог бы за это взяться? Это совсем не сложно, нужно только утром и вечером выпускать ее на задний двор, чтобы она сделала свои дела, ну и насыпать корм и наливать воду в миску. А я за это заплачу тебе, ну, скажем, 70 долларов - то есть вычту их из аренды в этом месяце. Согласен?

Свити была собакой, которую миссис Бальямос завела несколько лет назад, уже после того, как Джеки поселился во флигеле. За полгода умильный щенок вымахал в красивую и сильную овчарку, но, несмотря на внушительный вид и довольно-таки грозную породу, в своей собачьей душе Свити так и осталась игривым щенком. Она обожала всех без исключения и при появлении любого человека в пределах досягаемости принималась радостно прыгать вокруг, молотя по воздуху хвостом и норовя лизнуть любую незащищенную часть тела. Хозяйка души в ней не чаяла (что ясно было уже по данному ей имени³) и баловала, как могла, так что Свити не имела никакого понятия о дисциплине. Вместе с тем нельзя сказать, что жизнь ее была такой уж счастливой, ибо весь ее мир ограничивался домом (где, правда, любое кресло или кровать были в полном ее распоряжении) и огороженным задним двором, куда ее выпускали дважды в сутки. Гулять с ней старуха не ходила, ибо понимала, что попросту не сможет удержать сильную собаку на поводке, если та ломанется куда-нибудь бежать (а Свити, вырвавшись на свободу, всенепременно ломанулась бы).

Если людей Джеки не понимал и опасался, то животные скорее вызывали у него симпатию - хотя и не настолько сильную, чтобы ему хотелось иметь свое собственное. Даже лай Свити, в отличие от резких и громких звуков человеческого происхождения, не раздражал его - может быть, потому, что он, плохо разбиравшийся в мимике и интонациях людей (до тех пор, пока они не начинали *кричать*), в этом лае явственно слышал радостное дружелюбие, а не угрозу.

И, конечно, ему нужны были 70 долларов. Так что он согласился.

Миссис Бальямос села в свою машину - это был престарелый "Линкольн"⁴, угловатый и обшарпанный, с вылинявшим портретом Элвиса Пресли на месте переднего номера⁵, ездивший только после десятиминутного прогрева на холостом ходу - и отбыла. Джеки знал, что она боится летать, а потому поедет на этой рухляди до самого Тэксаса и обратно - если, конечно, сумеет доехать, в чем Джеки совсем не был уверен. Он как-то предлагал ей осмотреть машину, но, хотя прежде он уже чинил миссис Бальямос кондиционер, микроволновку и даже радиоприемник, по которому она слушала теперь не Элвиса Пресли, а религиозные передачи, "Линкольн" она ему не доверила. Она спросила, доводилось ли ему ремонтировать машины прежде, и Джеки честно (как всегда) ответил, что нет (и у самого него никогда не было ни машины, ни водительской лицензии), но это не имеет значения - ему достаточно только полностью разобрать мотор, и он сразу поймет, как тот устроен и что в нем нужно исправить. Почему-то этот аргумент не только не убедил миссис Бальямос, но и настроил ее еще более против данной идеи, так что Джеки (уже понадеявшийся было взять с нее 50, а то и все 100 долларов за этот ремонт) поспешно отступился, пока она не начала *кричать*. Доселе она никогда не кричала на него, но он знал, что она в принципе на такое способна - однажды он слышал через дверь, как она кричала на кого-то по телефону (кажется, на службу доставки, сделавшую что-то не так), и даже употребляла при этом плохое слово на "Г".

Так или иначе, она уехала, оставив ему ключ и пообещав звонить. Последнее Джеки совсем не понравилось - телефон у него был, выданный ему бесплатно как малоимущему, но звонки он не любил не меньше, чем стук в дверь, и всегда держал телефон выключенным. Ну то есть почти всегда - по правилам бесплатной программы полагалось совершать ежемесячно как

³ Sweetie - милая, дорогая (буквально - "сладкая")

⁴ Старые автомобили в США очень дешевы, независимо от марки

⁵ Автомобили с флоридской регистрацией имеют номерной знак только сзади

минимум один звонок, поэтому каждый месяц аккуратно после того, как платил арендную плату, Джеки включал телефон, выбирал из контакт-листа единственный имевшийся там номер - телефонного провайдера, четыре раза подряд терпеливо прослушивал опции голосового меню и с чувством выполненного долга снова отключал аппарат. Но теперь, очевидно, телефон следовало все-таки включить. Это было частью работы, которую он подрядился сделать за \$70.

Вечером Джеки отправился в дом миссис Бальямос делать следующую часть. Свити радостно прыгала вокруг, пачкая ему рубашку передними лапами и норовя лизнуть, но Джеки, не обращая внимания на все эти помехи, подобрал оставленный возле самой двери большой пакет с сухим кормом, а затем по узкому коридору, оставшемуся между ящиками, коробками и всевозможными безделушками (ибо жилье миссис Бальямос, как уже упоминалось, представляло собой затаренный склад, и было удивительно, как она сама пробирается здесь при своей-то комплекции), направился на кухню, где находились не только собачьи миски, но и дверь на задний двор, давно уже превращенный из места отдыха хозяйки в большой туалет для Свити.

Туда Джеки за ней не пошел, да это и не требовалось. Свити бодро потрусилась за угол дома и через несколько минут дисциплинированно вернулась обратно, выжидательно помахивая хвостом по ту сторону дверного окна. Джеки снова открыл ей дверь, и, пока она лакала воду из миски, вернулся к себе.

Все это было и в самом деле несложно, но уже на второй день Джеки подумал, что процедуру следует усовершенствовать и упростить, подобно тому, как он делал это с недостаточно оптимальными схемами некоторых бытовых приборов. Он сам в качестве привратника для Свити был определенно лишней деталью. Насыпать корм и наливать воду, конечно, нужно (хотя, пожалуй, и тут можно сконструировать систему, которая делала бы это сама - нужны два больших бака и механизм, который открывал и закрывал бы отверстия), но заднюю дверь надо просто оставить открытой, и пусть собака выходит и заходит сама, когда ей вздумается. Задний двор обнесен забором, так что деваться ей оттуда некуда. Утром Джеки так и сделал, а сам сел на свой велосипед с прицепом и поехал в очередной рейд по окрестностям. Если в детстве он редко выходил из дома, то теперь регулярно совершал такие рейды в поисках выставленных у обочины⁶ предметов, которые можно использовать в качестве источника запчастей - а также и просто для изучения их устройства. Со временем благодаря этим поездкам - и тем все более редким случаям, когда ему так и не удавалось починить какой-нибудь прибор, остававшийся у него в качестве трофея - у него скопилось столько разных деталей, что они уже не помещались в его жилище, но миссис Бальямос разрешила хранить их в сарае.

Его рейд оказался вполне удачным, и, вернувшись домой, он принялся конструировать поилку, которая наполняла бы миску водой всякий раз, когда Свити опорожнит ее. Идею и часть деталей он заимствовал у унитаза бачка. Кормушка, однако, требовала видоизменить конструкцию - для определения количества сухого корма не годился поплавок, значит, тут нужно соорудить простые рычажные весы...

Но когда он притащил свежееизготовленные приспособления в дом миссис Бальямос, Свити он там не обнаружил, и на его зов она не явилась. Выйдя все-таки на задний двор, он не нашел собаки и там.

Старательно оглядев следы ее жизнедеятельности (он не был брезглив, но это был беспорядок, а беспорядка он не любил), Джеки обошел двор, осматривая его столь же тщательно, как он осматривал неисправное устройство после вскрытия корпуса - и вскоре обнаружил искомый дефект. Это был лаз, прокопанный под забором с задней стороны дома. По ту сторону забора не было никакого жилья, там лишь топорились дикие заросли, тянувшиеся до самого

⁶ Вещи, ненужные владельцам, выставляют на обочину, чтобы их забрал мусоровоз - или любой желающий. Нередко такие вещи - мебель, бытовая техника и т.п. - полностью исправны и пригодны для дальнейшего использования.

шоссе ЮС1 - но Джеки ничего не оставалось, как, взяв из дома поводок, отправиться на поиски беглянки.

Заросли не были ни особо густыми, ни колючими, но там была паутина, которая лезла в лицо, и какие-то растения с плодами в виде мелких шариков, которые во множестве цеплялись к одежде, и это тоже был беспорядок. "Свити, - повторял он, пробираясь сквозь эту неправильную растительность. - Свити." (Сам он никогда не кричал, даже если имел для этого повод.) Наконец где-то спереди-слева раздался треск и хруст - пожалуй, слишком громкий, чтобы его источником был кролик или опоссум - и Джеки, направившись в ту сторону, обнаружил искомое. Свити, вся облепленная все теми же цепляющимися шариками, стояла посреди небольшой проплешины, где кто-то - едва ли миссис Бальямос - свалил мусор. По куску картона перед ней пробежала зеленая ящерица, и Свити с молниеносной охотничьей реакцией ударила ее лапой, а затем наклонилась обнюхать бьющееся в агонии тельце - но, не сочтя его достойным дальнейшего внимания, вновь подняла голову. Она, безусловно, видела и слышала Джеки, но никак не реагировала на его призывы.

Когда он приблизился к ней, она отбежала в сторону, явно демонстрируя, что еще не нагулялась. Джеки подошел к ней снова, и на этот раз ему удалось ухватить ее за ошейник и пристегнуть к нему поводок. Однако, когда он потянул ее обратно к дому, повторяя "домой, Свити, домой", та уперлась всеми четырьмя лапами и не подумала идти. Джеки потянул сильнее, и тогда Свити, сделав быстрое винтообразное движение головой, легко вывернулась из ошейника и убежала в противоположном направлении. "Плохая собака", - сказал Джеки, быстро шагая следом за ней. - "Плохая собака Свити".

За кустами и деревьями уже слышался шум машин, но Свити, впервые во взрослой жизни оказавшейся за пределами дома, этот звук ни о чем не говорил. В следующий миг она выбежала на шоссе ЮС1 прямо перед мчавшимся грузовиком.

Водитель даже не попытался ни тормозить, ни выкручивать руль - и был в общем-то прав, сделай он то и другое, тяжелую фуру, вероятно, занесло бы, а то и вовсе опрокинуло. Если бы Свити угодила под колесо, ее, безусловно, раскатало бы в блин. Но собака, увидев несущееся на нее чудовище, испуганно заметалась, попыталась отпрыгнуть назад - и ее ударило углом бампера, отбросив на обочину. Водитель и теперь не стал тормозить, вновь разумно рассудив, что выскочившая ему под колеса собака - наверняка чья-то собственность, и не имея никакого желания разбираться с владельцем. Подоспевшему Джеки осталось лишь проводить уносящуюся прочь фуру взглядом. Затем он наклонился над лежащей собакой.

Свити была еще жива. Она тоненько скулила на одной ноте - "иииии" - глядя на него полными слез глазами. Когда Джеки коснулся ее головы, она попыталась лизнуть ему руку.

Первым делом Джеки снова надел ей ошейник, поскольку этого требовал порядок. Затем быстро осмотрел и ощупал ее. Крови не было. Это было хорошо - он не знал, чем можно заменить кровь, если она вытечет вся. Но под мохнатой шкурой он ощутил неустойчивую, неправильную хрупкость переломанных костей (у Свити был перебит хребет и несколько ребер). Она дергалась, когда он касался этих мест.

- Все будет в порядке, Свити, - сказал он. - Я все исправлю.

Крупные обломки костей он посадит на суперклей, решил он. И скрепит для верности изолентой. Те, что раздроблены сильнее, можно будет заменить металлическими трубками или частями от автомобильной рессоры. Таков был предварительный план; детали он уточнит, когда, как обычно, посмотрит, как все это устроено внутри.

Он попытался взять собаку на руки, но она была слишком тяжелой, чтобы ее нести, и к тому же визжала и дергалась (это было неправильно, вещи, которые он ремонтировал прежде, никогда не оказывали ему активного сопротивления). Тогда Джеки сходил домой за своим велосипедным прицепом и отвез Свити на нем. Затем уложил все еще повизгивающую собаку на свой верстак и надежно зафиксировал конечности и голову, чтобы она не мешала ему во время

работы.

Он догадывался, что это может быть непростой ремонт - но вряд ли сложнее, чем починка старых часов с их крохотными детальками. Чинить большую вещь всегда легче. Он знал, что обычно починкой животных занимаются специально обученные люди - ветеринары, но это его ничуть не смущало. Ремонтить все прочие вещи он тоже выучился самостоятельно (ну, не считая тех курсов, где его научили паять, но паять Свити ему не придется). В конце концов, хотя миссис Бальямос всегда говорила о Свити "она", Джеки знал, что собаки, как и все прочие животные, обозначаются неодушевленным местоимением it, ничем, таким образом, не отличаясь от пылесоса или микроволновки. Ему достаточно просто посмотреть, как все это устроено. Главное, что внутри Свити нет микросхем. С микросхемами он ничего не мог поделаться.

Первым делом следовало снять кожух, то есть в данном случае шкуру. Было, конечно, неудобно, что конструкция не предусматривала никаких винтов или застежек, но Джеки уже приходилось иметь дело с неразъемными соединениями. Он решил, что сделает разрез со стороны живота, где тот будет менее заметен, а по окончании работы скрепит края степлером. Под мехом это не будет бросаться в глаза. В крайнем случае, можно будет состричь немного шерсти с боков и приклеить поверх шва.

Когда он закончил этот предварительный этап, Свити все еще пыталась дергаться и повизгивала сквозь изоляцию, которой он зафиксировал ее челюсти - хотя Джеки снимал шкуру очень медленно и аккуратно, дабы не повредить ее больше ни в одном месте, не считая первоначального разреза. Увы, под внешним кожухом оказался еще и внутренний, состоявший из мяса, жира и каких-то пленок. В некоторых местах сломанные кости проткнули их, но этого было явно недостаточно. Нужно было проводить разборку дальше, чтобы добраться до каждого поврежденного места...

Эта работа заняла у Джеки много часов. Поначалу все-таки вытекло довольно заметное количество крови, но интуиция и тут не подвела Джеки - он сразу сообразил, как вытягивать сосуды пинцетом и пережимать их струбцинами. (В конце концов, шланги - они и есть шланги.) А вскоре кровь и вовсе перестала течь. Свити - должно быть, осознав, наконец, что он делает ей добро - больше не пыталась дергаться и мешать ему ("Хорошая собака", - похвалил он ее.) В итоге ему удалось тщательно очистить и либо склеить и зафиксировать каждую поврежденную кость (для надежности он использовал еще спицы от зонтика, на которые насаживал фрагменты кости), либо полностью заменить ее. Настал черед собрать все обратно. Ткани, которые не удавалось приладить на прежнее место (ибо они расползались в пальцах скользким месивом), он заменил поролоном и пенопластом (что должно было к тому же облегчить общий вес конструкции). Затем он натянул обратно шкуру и скрепил ее края, как собирался.

- Все, Свити, - сказал Джеки. - Теперь тебе пора есть. Пойдем, опробуешь кормушку и поилку, которые я для тебя сделал.

Но Свити никак не реагировала на его слова, похлопывания и постукивания. Она не шевелилась и не издавала никаких звуков. Когда он попытался поставить ее, она повалилась обратно на стол.

Это было плохо. Конечно, и прежде случалось - хотя и нечасто - что ему не удавалось заставить работать сломанную вещь. Но интуиция подсказывала ему, что ему не удастся просто вернуть Свити миссис Бальямос со стикером номер 2 ("пожалуйста, оставьте на запчасти"). Все те предыдущие вещи ломались не тогда, когда находились на его попечении. И миссис Бальямос не заплатит ему 70 долларов. Возможно - даже будет *кричать*.

Эта мысль была настолько неприятной, что Джеки решился на то, на что вообще-то решался крайне редко - просить совета у другого человека.

Он вспомнил, что в своих велосипедных рейдах по городу в поисках запчастей и достойных изучения предметов он периодически проезжал мимо охотничьего магазина, в

витрине которого были выставлены звери и птицы. Хотя они просто стояли неподвижно, Свити на данный момент не могла даже этого, и Джеки решил, что отправится туда. Впрочем, он тут же сообразил, что уже поздний вечер, и магазин, наверное, не работает, так что он съездит туда завтра. Пока, в любом случае, следовало прибраться в комнате и выстирать одежду. Ремонт Свити оказался самым пачкающим из всех в его жизни, и это был беспорядок, коего Джеки не любил.

Все это так утомило его, что утром он проспал дольше обычного, а затем, проверив, как обычно, коробку между дверями, обнаружил в ней большой старый будильник (хозяин которого, как видно, не доверял электронным устройствам или попросту не просыпался от их слишком деликатного пиликания). У Джеки уже давно не было возможности поработать с механическими часами (что нравилось ему куда больше возни с электроприборами - он мог бы сказать, что механика благородна и эстетична, а электричество вульгарно, но не пользовался столь абстрактными терминами), и он охотно принялся за работу (к тому же обычным клиентам он возвращал их вещи через два дня, а миссис Бальямос должна была приехать не раньше чем через пять). Этот ремонт не преподнес ему никаких неприятных сюрпризов (трезвон у воскрешенного будильника оказался и впрямь громоподобным, способным разбудить даже глухого). Но до охотничьего магазина Джеки добрался лишь в четыре пополудни.

Ехать было не очень приятно - магазин находился довольно далеко (по меркам велосипедиста), а на улице стояла классическая жара флоридского июля. Пока его обдувал встречный воздух, это было еще ничего, но стоило Джеки слезть с велосипеда, и он сразу почувствовал, как мокрая рубашка противно липнет к телу. Предвкушая кондиционированную прохладу, он вошел в магазин.

Однако там тоже оказалось жарко и душно. Посетителей в маленьком зальчике не было. Продавец, он же владелец, упитанный и плешивый, сидел на своем месте на фоне висевших на стене винтовок и дробовиков. Прямо перед ним на прилавке злобно жужжал небольшой вентилятор, направляя поток теплого воздуха прямо в его одутловатое лицо, но, судя по блестящим на его щеках и лысине бисеринкам пота, это не очень помогало.

- Как вы делаете...? - спросил Джеки, указывая на витрину с животными. (Он всегда сразу переходил к делу, не обременяя себя вступлениями.)

- Хорошо, - брюзгливо ответил хозяин магазина, не обративший внимания на указующий жест и принявший его фразу за обычное приветствие⁷. - А вы как?

На этот вопрос (как, впрочем, и на другие) Джеки всегда отвечал буквально.

- Жарко, - сказал он.

- Да... - проворчал толстяк. - Кондиционер не работает. Я утром оставил заявку, но...

- Я могу починить, - сказал Джеки. В рюкзаке за спиной у него имелись инструменты, без которых он обычно не выходил из дома на случай, если что-то случится с велосипедом или попадетсся достойный разборки предмет, слишком громоздкий, чтобы везти его домой целиком.

- Так вы ремонтник? - обрадовался владелец.

- Я ремонтирую *вещи*, - уточнил Джеки, имея в виду, что не занимается ремонтом людей⁸.

- Это здесь - пропыхтел толстяк, поспешно выбираясь из-за прилавка, чтобы проводить его к кондиционеру.

Джеки никогда раньше не имел дела с большим офисным кондиционером (да и с бытовым - только один раз, когда чинил его миссис Бальямос), но ничего принципиально нового и сложного здесь не оказалось. Ему даже не потребовались запчасти. Вскоре могучий

⁷ How are you doing? - приветствие, ныне практически вытеснившее прежнее How do you do? (используются также более короткие варианты How are you?, How's doing?) Если "How do you do?" полностью утратило буквальный смысл, т.е. это просто "Привет!", а не вопрос "Как вы поживаете?", то "How are you doing?" предполагает ответ "Fine, and how are you?"

⁸ Вопрос "So, you're a repairman?" Джеки за шумом вентилятора воспринял как "So, you're repairin' men?"

вентилятор зашумел, а по помещению начала разливаться желанная прохлада.

- Сколько я вам должен? - спросил толстяк, подходя к кассе.

Джеки задумался, стоит ли брать с него деньги (и сколько именно - 20 долларов за такой большой кондиционер было явно мало), или же сразу перейти к интересовавшему его вопросу. У него даже мелькнула мысль, что он может взять с этого человека 70 долларов, которые не получит с миссис Бальямос, и тем самым закрыть проблему. Но, раз Свити вышла из строя по его вине, он должен был ее починить. Иначе получался беспорядок. И к тому же, если он этого не сделает, миссис Бальямос, возможно, будет кричать...

Но прежде, чем он успел додумать эту мысль до конца, в помещение быстро вошел человек в голубом комбинезоне с логотипом J.A. на кармане.

- Мистер Кулвер? - осведомился он. - Я из "Джемисон Аплайанс". У вас не работает кондиционер, так?

- Уже работает, - ответил Кулвер. - Вы то не можете никого прислать весь день, то присылаете сразу двоих?

- Двоих? - недоуменно переспросил человек в комбинезоне.

- Этот молодой человек только что все починил, - на самом деле Джеки был не так уж молод, ему было 42. - Разве он не из вашей фирмы?

"J.A." окинул Джеки презрительным взглядом.

- Впервые его вижу. Но если вам все исправили, почему вы не отменили заказ?

- А почему вы не приехали раньше? Я жду вас с самого утра!

- Просто не успел, - пожал плечами ремонтник. - В такую жару много заказов на кондиционеры, вы знаете.

- Вот и я не успел вам отзвониться, - ответил Кулвер. - Так что мы квиты.

- Ладно, - недовольно пробурчал "J.A.". - Значит, моя помощь вам больше не нужна?

Тогда хорошего дня, сэр, - произнес он таким тоном, словно желал прямо противоположного, и вышел.

- Раздолбай, - проворчал Кулвер ему вслед. - Но вы? - он вновь повернулся к Джеки. - Я думал, вы от них. Вы же сказали, что вы ремонтник.

- Я ремонтирую вещи, - повторил Джеки. - Сейчас мне нужно отремонтировать собаку.

- Собаку? - недоуменно переспросил Кулвер, думая, что ослышался.

Джеки вновь указал пальцем на витрину с чучелами и повторил свой вопрос: - Как вы это делаете?

- А! - просветлел лицом Кулвер. - Вам нужно исправить попорченное чучело? Это может быть не так уж и просто... Вы прежде занимались таксидермией?

Сам Кулвер был большим любителем этого занятия - все чучела в магазине были изготовлены им лично - и, убедившись, что перед ним новичок, желающий постигнуть основы ремесла, расцвел, как и всякий человек, севший на любимого конька - тем паче что он был словоохотлив, а возможность излить свое красноречие на терпеливого слушателя выпадала ему нечасто. Так что Джеки (который был очень терпеливым слушателем) вышел из магазина лишь два часа спустя, после его закрытия (за все это время, кстати, там так и не появился ни один покупатель), и в его рюкзаке лежали пакеты с реактивами (боракс, алюминиевые квасцы, поваренная соль). Кулвер отдал их Джеки бесплатно, точнее - в уплату за починку кондиционера (выгадав на этом, ибо стоили они недорого).

Войдя в свое жилище, Джеки почувствовал неприятный запах. Кроме того, по Свити ползало несколько мух, которые с гудением взлетели при его приближении. Но он уже знал, как с этим бороться.

Правда, из объяснений Кулвера он понял, что восстановить все функции Свити в любом случае не получится. Собственно, Кулвер вообще умел совсем немного - его животные могли только стоять и ничего больше. Этого, конечно, было недостаточно. Джеки наладит главные

функции Свити, отбросив те, что не столь важны и, на самом деле, только мешают основным, неоправданно усложняя конструкцию. Он уже делал так с другими предметами. Его новая, усовершенствованная Свити будет оптимальнее предыдущей.

Поразмыслив, он пришел к выводу, что главными функциями Свити были: лаять, махать хвостом и лизаться. Еще она, конечно, ходила и бегала, но именно эти ее качества привели к нынешней проблеме. Так что... он вмонтирует в ее лапы ролики от сумки-тележки, и миссис Бальямос сможет возить ее за собой на поводке, куда пожелает. Но именно куда пожелает она сама, а не Свити, что убережет последнюю от новых неприятностей. Также Свити ела и пила, но это тем более были бесполезные функции, только переводившие ресурсы. Не говоря уже о тех делах, которые она делала на заднем дворе. От всего этого безусловно следовало избавиться.

Но первым делом следовало сделать то, чему научил его Кулвер. Удалить всю неисправную начинку, оставив только обработанную реактивами шкуру и скелет в качестве несущего каркаса. Тогда внутри освободится много места, куда можно будет встроить необходимые приспособления...

От работы его отвлек один из самых неприятных звуков - телефонный звонок (дело было, конечно, не в рингтоне, самом по себе вполне мелодичном, а в самом факте - факте бесцеремонного вторжения людей из *внешнего мира* в его личное пространство). Очевидно, это была миссис Бальямос, ибо кто еще мог ему звонить? Ну, точнее говоря, раз в месяц включая телефон, он несколько раз обнаруживал на автоответчике звонки от странных людей, пытавшихся продать ему какую-то страховку. После этого он записал на автоответчик вместо стандартного сообщения такое: "Привет, вы позвонили Джеки Дорриту. Пожалуйста, не делайте так больше." А оставленные сообщения стал удалять, не прослушивая.

Но это действительно оказалась миссис Бальямос. Она сообщила, что благополучно доехала, и, конечно же, пожелала узнать, как там "ее детка".

- Я сделал ей автоматические поилку и кормушку, - сказал Джеки. Он не стал уточнять, что новой, исправленной Свити эти устройства уже не понадобятся. Он понимал, что обсуждать это с миссис Бальямос пока что преждевременно. И, в любом случае, эту работу он еще не закончил.

Но миссис Бальямос повела себя не так, как он ожидал. Вместо того, чтобы порадоваться и успокоиться, что у Свити теперь всегда будут еда и вода, она озабоченно спросила, не ударят ли эти штуки Свити током. И это притом, что сама она без всяких опасений пользовалась устройствами, исправленными Джеки, и ее током ни разу не ударило. Воистину, люди - непонятные и непредсказуемые существа. Иметь дело с вещами намного проще.

- Нет, - ответил Джеки вслух. - Там нет электричества. Только механика.

Это ее успокоило, но она выразила следующее нелогичное желание - "поговорить со Свити". Джеки честно поднес телефон, откуда звучал сюсюкающий голос, к собачьему уху. Свити, понятно, никак на это не отреагировала, но ведь она точно так же не смогла бы ответить и до того, как сломалась. Наконец этот бессмысленный разговор был закончен, и Джеки смог вернуться к работе.

Проще всего было решить задачу с хвостом - его приводил в движение через редуктор и кривошипно-шатунный механизм мотор от миксера. Поиграв с передаточным числом редуктора, Джеки добился очень натурального виляния. Обеспечить лай было просто технически - попросту разместив между ребрами Свити кассетный магнитофон с отдельно выведенным в пасть динамиком (нижняя челюсть при этом покачивалась на пружине, а по окончании лая электромагнит ставил ее на фиксатор). Но нужно было где-то записать сам лай. Поскольку компьютера у Джеки (как и у миссис Бальямос) не было, скачать звуки из интернета он не мог. Сначала Джеки хотел пойти с магнитофоном в один из городских парков, где была собачья площадка, но проблема решилась еще лучше. У миссис Бальямос был видеомагнитофон, проигрывавший диски и кассеты, и целая коробка кассет к нему - в основном какие-то старые

фильмы, но одна кассета была так и подписана "Свити". Это оказалось домашнее видео, на котором собака была снята во множестве эпизодов, начиная со щенячьего возраста - лучшего Джеки и желать не мог.

Сложнее было с лизанием. Оригинальный язык Свити Джеки выбросил вместе с прочей требухой. Новый язык он вырезал из поролон, обтянув его мягкой замшей, но требовалось увлажнять и нагревать его (Джеки помнил, каким теплым должно быть его прикосновение). Стало быть, функцию питья придется все-таки вернуть... и вот какую конструкцию Джеки придумал в итоге. Шею Свити он установил на длинный рычаг с мощным шарниром внизу. Нажав на голову, можно было опустить ее вниз, мордой в миску с водой. Прилагаемое при этом усилие (благодаря длине рычага небольшое и вполне доступное миссис Бальямос) отводило назад поршень насоса и одновременно взводило часовую пружину. В нижнем положении открывался клапан, и через трубку, выведенную в нижнюю челюсть Свити, в созданное насосом разрежение всасывалась вода. Заполняя предназначенную для нее камеру, она создавала противовес, и голова снова поднималась вверх. После этого пружина приводила в действие механизм от часов с кукушкой, который через равные промежутки времени выталкивал и убирал обратно смачиваемый благодаря капиллярам язык. Впрочем, обойтись совсем без электричества в этой хорошо сбалансированной механической конструкции не получилось - для подогрева языка пришлось все же встроить в него нагревательный элемент...

В целом, к сожалению, выходило, что Свити потребляла слишком много энергии, чтобы запитать ее от батареек, так что Джеки обеспечил ее питание от сети, разместив провод внутри поводка, а штекер - в ошейнике. Это, конечно, ограничивало ее мобильность, но Джеки помнил, что из этой мобильности уже не вышло ничего хорошего, так что будет гораздо лучше, если отныне Свити будет всегда оставаться дома.

Во второй раз миссис Бальямос позвонила на шестой день, когда Джеки уже закончил всю работу со Свити и натянул обратно выдубленную и высушенную шкуру. Для начинающего таксидермиста это сложный и ответственный этап, который редко хорошо выходит с первого раза, ибо оказывается, что набивка далеко не идеально воспроизводит очертания тела, да еще и съехала в процессе. Но Джеки, как всегда, достаточно было взглянуть на внутреннее устройство один раз, чтобы запомнить его и точно воспроизвести при обратной сборке - неважно, шла ли речь о шестеренках или о мышцах и сухожилиях. И хотя он никогда прежде не изготавливал муляжи подкожных тканей, но справился с этой задачей, даже не заметив ее трудности. Свити смотрела на него стеклянными глазами (прежде принадлежавшими плюшевой игрушке), лаяла и виляла хвостом. Шум мотора был почти не слышен благодаря хорошей звукоизоляции поролоновых накладок.

И тут миссис Бальямос позвонила и сообщила, что ее машина сломалась на обратном пути (ничего удивительного, разумеется - скорее удивительно, как она проделала столь длинный путь хотя бы в один конец), и, соответственно, она задержится еще на три дня. Она также сказала, как скучает по своей Свити, и Джеки дал ей послушать лай, каковой миссис Бальямос сочла признаком ответной тоски и умилилась по этому поводу.

Когда она, наконец, повесила трубку, Джеки подумал, что за эти добавочные дни он может еще улучшить Свити. Тогда миссис Бальямос будет особенно довольна и, может быть, заплатит ему больше обещанных 70 долларов. Тем более что ей больше не придется тратить на собачий корм. Да и вообще, она хорошая женщина, которая иногда делится с Джеки едой. Поэтому она заслуживает, чтобы он тоже сделал ей приятное.

Во-первых, он вернул Свити органы чувств. В ее глазницы вместо простых стекляшек он вставил чувствительные элементы инфракрасного датчика движения, а в уши - микрофонные мембраны. Теперь, если кто-то подходил к Свити с одного бока или звал ее (на самом деле, конечно, издавал любой громкий звук), разность сигналов, подаваемая на управляющий элемент электромотора, заставляла ее голову поворачиваться в соответствующую сторону, пока сигналы

от левого и правого датчика не выравнивались. Еще один датчик уже был установлен снаружи дома над входной дверью - он зажигал свет в темное время суток, когда кто-то подходил к крыльцу - и именно сигнал от него, уже без проверки на уровень освещенности, Джеки использовал, чтобы включать магнитофон. Так что теперь Свити принималась лаять всякий раз, когда кто-то поднимался на крыльцо - точно так же, как она делала это прежде.

Наконец, Джеки научил ее приподниматься на задние лапы - колесики, которые он ранее закрепил между ее пальцами, автоматически ставились на стопор, и одновременно высвобождались фиксаторы мощных пружин, заменявших теперь ее мышцы. Ему пришлось изрядно повозиться, регулируя систему таким образом, чтобы распрямляющиеся рычаги не толкали тело вперед и не подбрасывали заднюю часть, а, напротив, приподнимали переднюю - правда, не до полностью вертикального положения, и уж тем более не оставляли надолго в этой крайне неустойчивой позиции, как умела делать прежняя Свити - но все-таки ее передние лапы отрывались от пола дюймов на двадцать, а потом падали обратно, и запущенный этим ударом мотор приводил в движение гидравлический поршень, а тот снова сжимал пружины, делая возможным новый прыжок. Активизировать эту функцию Джеки решил тогда, когда сигналы от инфракрасных и звуковых датчиков одновременно превышают пороговое значение - то есть человек подошел близко и при этом громко говорит со Свити. А если подошел, но не говорит, тогда она прыгать не будет. Очень удобно. Прежняя Свити была недисциплинированной и не понимала, что такое порядок, а новая - совсем другое дело.

Вообще, исправленная Свити была во всех отношениях лучше первоначальной. Пожалуй, будет правильно, если миссис Бальямос заплатит ему все 100 долларов. Или даже 120 - 70 обещанных изначально плюс 50 за такой сложный и удачный ремонт. Потому что провести этот ремонт следовало в любом случае, безотносительно того, что случилось на шоссе ЮС1.

Он установил Свити в гостиной, рядом с большим мягким креслом, в котором миссис Бальямос смотрела телевизор, и подключил к розетке. "Свити!" - позвал он справа. Она повернула голову к нему. Он обошел ее спереди. Она проводила его взглядом. "Хорошая собака", - сказал он и погладил ее по голове. Свити завиляла хвостом, а потом вдруг залаяла.

Это было так неожиданно, что он отдернул руку. Свити продолжала лаять. Такого не должно было быть. Датчик на затылке активировал только хвост, но не лай. Неужели где-то плохой контакт, и придется снова разбирать Свити?

Но уже в следующий момент он сообразил, в чем дело. Видимо, в эту самую минуту кто-то поднимался на крыльцо. Вероятно, очередной клиент, принесший свою вещь в ремонт. Но в следующий миг он услышал, как поворачивается ключ в замке входной двери.

Миссис Бальямос вернулась на день раньше, чем он ожидал, понял Джеки. Очевидно, он был не единственным хорошим ремонтником на свете, и неведомый автомеханик сделал свою работу быстрее, чем обещал - как и сам Джеки всегда обещал своим клиентам два дня, хотя чаще всего управлялся за один - но, конечно, не в таком сложном случае, как со Свити, где нужно было не исправить единственную неполадку, а фактически переделать всю конструкцию. Впрочем, и с этой задачей он справился на отлично и мог по праву гордиться результатом - а главное, все-таки успел закончить до возвращения хозяйки.

- Свити, моя деточка, - радостно и в то же время одышливо (словно только что преодолела не три ступеньки крыльца, а три лестничных пролета) бормотала миссис Бальямос, входя. - О, Джеки, и ты здесь! Ну как вы тут?

- Очень хорошо, - честно ответил он.

На лице миссис Бальямос, уже расплывшемся было в широкой улыбке, тут же, однако, отразилось первое сомнение в его словах. Она не могла понять, почему собака не бежит ей навстречу, а продолжает лаять, неподвижно стоя на месте. Быстро, насколько позволяли комплекция и одышка, она подошла к своей любимице.

- Свити?!

Та механически подпрыгнула, ударившись носом в нависший над ней толстый живот хозяйки, и снова упала на передние лапы, щелкнув колесиками по полу. Негромко, но все же различимо загудел мотор, сжимая пружины для нового прыжка.

Миссис Бальямос попятилась.

- Что... что это?! - выдавила она из себя, не отрывая взгляда от Свити. - Что ты с ней...

- Я исправил ее, - гордо сказал Джеки.

И тогда она повернулась к нему. Ее жирное лицо было неестественно бледным, щеки тряслись, глаза выпучились, словно у большой жабы. И тут Джеки со всей отчетливостью понял, что сейчас она начнет *кричать*.

Это было неправильно и несправедливо, и этого он никак не мог допустить.

- Ого! - сказал Кулвер, услышав названное Джеки количество реактивов. - Крупная дичь на сей раз, а? Кто там у вас - олень?

- Нет, - честно ответил Джеки, - моя квартирная хозяйка.

Кулвер довольно рассмеялся. Джеки не понимал, что в этом смешного, но люди были странными и непредсказуемыми существами, и он давно оставил всякие попытки их понять.

Когда-то он сказал Кулверу, что ремонтирует вещи, а не людей. Но разница, на самом деле, оказалась вовсе не столь уж велика. Главное - убрать лишние функции, которые не нужны и только мешают.

Миссис Бальямос по-прежнему проводит дни, сидя в своем любимом мягком кресле. Днем она слушает консервативные и религиозные передачи по радио, а вечером зажигает свет, а потом гасит его и включает телевизор. Ну то есть это делают таймеры, даже не встроенные в ее тело, но какая разница? Поскольку ее последний близкий родственник умер в Тэксасе, гостей у нее не бывает. Теперь не бывает уже даже курьеров, поскольку она больше не делает заказов по каталогам (хотя последние и продолжают приходить ей на почту). Несколько раз, правда, все же приходили какие-то соседки, да пару раз - проповедники, желавшие "поговорить о Господе нашем", но все они слышали лишь лай Свити через дверь и звуки радио или телевизора - и в итоге уходили прочь. Те же привычные звуки слышат, разумеется, и клиенты, приносящие Джеки очередную вещь для ремонта. "Линкольн" совсем заржавел, его колеса сдулись и обросли травой, но до этого тоже никому нет дела. Он и раньше выглядел немногим лучше, да и вообще, мало ли в городке домов, во дворах которых ржавеют старые машины. Служба соцобеспечения продолжает ежемесячно переводить пенсию миссис Бальямос на ее счет, откуда так же автоматически списываются деньги за коммунальные услуги. *Go paperless - go green*⁹.

Джеки тоже продолжает платить ей за квартиру, потому что таков порядок. Правда, если прежняя миссис Бальямос предпочитала наличные, то исправленная не возражает против чеков, которые он предпоследнего числа каждого месяца кладет ей в карман. У Джеки есть свой счет и целая пачка чековых книжек, поскольку за его предыдущую квартиру надо было платить как раз чеками; правда, денег на этом счету почти нет, но это неважно. Бесспорное преимущество исправленной миссис Бальямос состоит в том, что чеки, уплаченные ей, никогда не уменьшают остаток на счету Джеки.

На лице миссис Бальямос теперь всегда довольная улыбка, но ее губы склеены суперклеем, чтобы она не могла *кричать*. Джеки догадывается, что в своем новом состоянии она в принципе не должна быть на это способна, но, знаете ли, просто на всякий случай.

Хороший ремонтник никогда не пренебрегает надежностью.

⁹ Используй безбумажные расчеты - заботься об экологии. Лозунг компаний, поощряющих своих клиентов оформить электронные платежи через компьютер или (как в данном случае) смартфон.